

© 1994 г. С. Л. НИКОЛАЕВ

РАННЕЕ ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Большинство известных древнерусских диалектных различий не может рассматриваться в качестве пережитков племенных языков (диалектов), существовавших до сложения общевосточнославянского континуума. Эти различия либо действительно поздние (например, возникшие после падения слабых редуцированных), либо имеют ярко выраженный ареальный характер (взрывное/фрикативное *г*, аканье и т. д.), и трудно установить, в каком из диалектов находился центр той или иной инновации.

Одна из теорий возникновения и развития восточнославянского континуума предполагает возведение входящих в него говоров к единому правосточнославянскому (древнерусскому) языку, диахронической ступени между позднепраславянским диалектно раздробленным языком и восточнославянскими диалектами (см. в первую очередь [1]). Согласно другому подходу, восточнославянская территория изначально представляла собою лингвогеографическое продолжение позднепраславянского континуума с незначительными ареальными различиями, на которую распространялись затухающие инновационные “волны”, направлявшиеся первоначально с юго-запада к северо-востоку [2], а диалектное членение восточнославянского континуума “в себе” началось уже в эпоху “падения” редуцированных. “Волновая” теория, однако, не противоречит как теории существования правосточнославянского языка¹, так и теории гетерогенного происхождения восточнославянского диалектного континуума.

Проблема заключается в следующем: восходят ли современные группировки славянских говоров (восточно-, южно-, западнославянская и т. п.) непосредственно к позднепраславянским диалектам либо к группам близкородственных диалектов, в основном находившимся на тех же территориях, что и их исторические потомки, или названные современные группировки являются гетерогенными и мозаичными с позднепраславянской точки зрения. Мозаичность позднепраславянского языкового ландшафта могла быть, в частности, следствием разнонаправленных и разновременных передвижений групп населения по уже в III–IV вв. обширной и диалектно раздробленной Славии. В последнем случае можно предположить, что обнаружатся древние черты, связывающие нетривиальным образом отдельные зоны современных группировок. В таком случае образование большинства современных диалектных группировок можно представить как результат конвергентного развития.

¹ Однако в этом случае на деле оказывается, что принимаемый “правосточнославянский” в общем ничем не отличается от праславянского, реконструкция которого, кстати, нуждается в значительных уточнениях. В частности, некоторые древние диалектные праславянские особенности, например, в области акцентуации, являются гораздо более древними, чем сам “праславянский” уровень, и отражают членение балто-славянского (resp. местного позднеиндоевропейского) континуума — см. [3, с. 130–131].

Археологические исследования последних десятилетий убедительно доказали разнородность большинства славянских ареалов, при этом несомненна связь отдельных восточнославянских племенных культур с различными культурами южно- и западнославянской областей (см. [4, 5]). Восточнославянские племена, зачастую имевшие слабые контакты между собою, несомненно говорили на собственных племенных диалектах, отличительные черты которых сформировались еще до переселения их носителей на новые территории². Эти черты могли стираться позднее, в результате усиления ареальных контактов и распространения ареальных изоглосс. Времени, прошедшего с момента установления более или менее интенсивных межплеменных контактов, необходимых для развития языковой интерференции (XI–XIII в.), было явно недостаточно, чтобы племенные диалекты успели сблизиться до почти полной унификации, образовав “общевосточнославянский” язык, использовавшийся на обширной территории, к вторичным диалектам которого, как обычно считается, восходят современные восточнославянские языки и диалекты.

Веским подтверждением существования “общевосточнославянского” праязыка было то, что в большинстве своем оказались малоуспешными попытки возвести те или иные особенности современных восточнославянских диалектов и групп говоров к эпохе племенных диалектов (кривичскому, радимичскому, древлянскому и т. д.)³. Это привело к тому, что во второй половине XX в. в великорусской исторической диалектологии окончательно утвердилось мнение о чрезвычайной трудности и даже невозможности найти под позднейшими напластованиями старые диалектные особенности (см., например, [10]). В белорусской и украинской научной традиции столь категоричное сомнение, к счастью, не восторжествовало, однако практических результатов работы в этом направлении долгое время не приносили. На первый взгляд крупные синхронные восточнославянские группировки в общем соотносятся с огрубленными археологическими ареалами племен (см. [11]), однако отсутствуют строгие доказательства “племенного” происхождения тех или иных изоглосс ввиду невозможности установить абсолютную и относительную хронологию возникновения большинства из них⁴.

Лишь в последние годы гипотеза сохранения древнейших восточнославянских диалектных различий получила серьезную поддержку. С одной стороны, решающие аргументы в пользу этой гипотезы представили материал древнегородских берестяных грамот и рассмотренные с новой точки зрения данные северо-западных и западных великорусских и северо-восточных белорусских говоров.

С другой стороны, быстрое развитие славянской исторической акцентологии привело к обнаружению релевантного корпуса фактов, на которых строится теория глубокого позднего и даже раннепраславянского диалектного членения и мозаичности позднепраславянского лингвогеографического ландшафта (см. [13, 3, 14])⁵.

² Судя по данным археологии, относительно “новыми” в Восточной Славии должны считаться все территории, кроме Припятского Полесья и Прикарпатья (в широком смысле). Лингвистические данные, по-видимому, позволяют предположить древность славянского заселения Волго-Клязьминского междуречья.

³ Из верных по идее, но малодоказательных по существу можно назвать работы [6–8]. См. также [9].

⁴ Следует отметить одну из наиболее успешных работ на эту тему: [12].

⁵ Различия между акцентуационными системами, возникшие в результате тривиальных фонетических процессов (перетяжек ударения, сокращения долгот и т. д.), в дальнейшем, морфологизуясь, с трудом подвергаются разрушению вследствие контактных взаимодействий диалектов. Акцентуационные модели пронизывают всю морфонологическую систему языка, обладая при этом низкой смыслоразличительной функцией, в результате чего специфические признаки этих моделей, деформируясь в одной грамматической категории, достаточно регулярно сохраняются в других. Эти модели, как правило, не могут быть заимствованы дру-

1. Кривичский племенной язык

А.А.Зализняк в результате анализа языка берестяных грамот пришел к выводу, что “в целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходят к праславянской эпохе” [15, с. 51]. При этом хорошо видно, что многие “необщерусские” черты, ярко проявляющиеся в наиболее старых грамотах, постепенно исчезают, сначала сосуществуя с “общерусскими”⁶, а позднее появляясь лишь как редкие архаизмы. Современные севернорусские диалекты, в основе которых лежало новгородское “койне”, сохраняют древненовгородские черты крайне неравномерно, чаще в лексикализованном виде или в качестве “системных архаизмов”.

Дальнейшие исследования показали, что “невосточнославянские” черты, отмеченные А.А.Зализняком в древненовгородском, являются лишь частью гораздо более обширного комплекса специфических признаков, вошедших в древненовгородское “койне” в основном из говоров древнепсковского типа (см. [16]), в свою очередь принадлежавших к севернопсковской разновидности распространенных на обширной территории **кривичских племенных говоров**⁷, иными словами, диалектно раздробленного **кривичского племенного языка**, противопоставленного всем другим позднеславянским диалектным формированиям мощным пучком специфических изоглосс. Выявление этих изоглосс стало возможным в результате анализа сохранившихся в северо-западных великорусских и северо-восточных белорусских говорах системных архаизмов древнейшего периода, в той или иной мере стертых и затемненных позднейшими явлениями, которые возникали самостоятельно либо заимствовались из сопредельных некривичских систем. Древность этих особенностей подтверждается их фиксацией в берестяных грамотах (начиная с XI в.), написанных на живом древненовгородском языке.

Лингвогеографические ареалы большинства особенностей, возводимых нами к кривичскому племенному языку, очень точно ложатся в археологический ареал кривичей ([17; 18], а также [19; 4]), а те случаи, когда данные черты обнаруживаются вне этого ареала, легко находят объяснение, например, в переселении носителей кривичских по происхождению диалектов на новые территории уже в историческое время.

Проскция в древность обнаруживаемых архаизмов дает возможность реконструировать прежнее членение племенного языка кривичей, который

гими системами уже в силу своего крайне сложного морфонологического устройства. Череспособности древних акцентуационных систем на славянских территориях указывает на явно гетерогенный характер таких поздних общностей, как восточнославянская, южнославянская или западнославянская. Анализ древних акцентологических изоглосс и сопоставление их с неакцентологическими приводит к установлению новых пучков изоглосс, образование которых может быть привязано к определенному моменту истории. Без акцентологической составляющей эти пучки, как правило, не могут быть однозначно интерпретированы в терминах относительной хронологии.

⁶ Собственно, близкими к великорусским литературным, иначе говоря, центрально-среднерусским формам. Исследования, проводившиеся в последние годы в области полесских белорусских и украинских, юго-западных украинских говоров, также показали принципиальную “невозводимость” многих компонентов их систем (начиная с фонетических) к традиционной “древнерусской” (“общевосточнославянской”). Поэтому кажется крайне необходимым скорейшее возвращение к проблеме диалектной основы стандартного древнерусского языка.

⁷ См. [17]. Видимо, постепенному сближению говоров, основанных на новгородском койне, с восточнорусскими способствовала также и большая близость ильменско-словенских говоров к восточновеликорусским, чем к кривичским.

делился на: 1) **псковский диалект**, делившийся в свою очередь на севернопсковский, центральнопсковский и южнопсковский; производными от севернопсковских являются онежские говоры и многие северо-восточные (вятские, уральские, сибирские) великорусские говоры на территориях нового заселения; 2) **древненовгородский диалект** (древненовгородское койне), сложившийся при взаимодействии псковских и ильменско-словенских (не кривичских) говоров; 3) **смоленский диалект** — к нему восходит часть западных великорусских и северо-восточных белорусских говоров; 4) **верхневолжский диалект** — к нему восходит часть “селигеро-торжковских” говоров, в основном в р-не Селигера; 5) **полоцкий диалект** — на его основе сформировались северные и северо-западные белорусские говоры; 6) **западный диалект** — к нему восходит часть белорусских говоров северной Гродненщины. Древнекривичские говоры (в основном южнопсковские и смоленские) приняли участие в формировании многих великорусских говоров к востоку и западу от Москвы (“кривичский пояс” — см. [17, с. 137–141]).

Некоторые из важнейших фонетических и акцентологических черт, которые, с одной стороны, противопоставляют кривичские диалекты другим восточнославянским, и, с другой стороны, дают несколько различные рефлексy в разных кривичских по происхождению системах, приводятся ниже. Некоторые из кривичских изоглосс показаны на карте 1.

1. Рефлексy “напряженных редуцированных”

В большинстве кривичских в основе говоров особое развитие имеют так называемые “напряженные” *ѣ, *ѣ̌, восходящие к праслав. *у, *і и *ъ, *ь перед -j-. Наибольший интерес представляет развитие *ѣ̌, который по говорам, помимо “общерусского” о (< *ѣ̌) и “общebelорусско-украинского” *у в любых позиционных условиях, дает иные рефлексy либо рефлексy, распределенные по особым позициям. Для большинства кривичских по происхождению говоров (за исключением потомков западного, полоцкого и верхневолжского диалектов) характерны две такие позиции: 1) перед праславянскими редуцированными следующего слога (например, окончание -*ѣ̌ъ членных прилагательных муж. рода — позиция сильного редуцированного); 2) в прочих условиях (например, в презенсах у-глаголов: *тѣ̌jр, *рѣ̌jр — позиция слабого редуцированного).

В кривичских по происхождению говорах встречаются следующие системы, образующие по большей части компактные лингвогеографические ареалы: 1) восточнорусская, с рефлексом *ѣ̌ в обеих позициях (*молодѣ̌й* : *мѣ̌ю*); 2) западная, с рефлексом *у в обеих позициях (*молодѣ̌й* (й) : *мѣ̌ю*); 3) смоленская, с рефлексом *ѣ̌ > а/е в 1-й позиции и *у во 2-й позиции (*молодѣ̌й/молодѣ̌й* : *мѣ̌ю*); 4) I южнопсковская с рефлексом *ѣ̌ > а/е в обеих позициях (*молодѣ̌й/молодѣ̌й* : *мѣ̌ю/мѣ̌ю*); 5) II южнопсковская система с *ѣ̌ в 1-й и *ѣ̌ > а/е во 2-й позиции (*молодѣ̌й/молодѣ̌й* : *мѣ̌ю/мѣ̌ю*); 6) деснинская система с *ѣ̌ в 1-й и *у во 2-й позиции (*молодѣ̌й/молодѣ̌й* : *мѣ̌ю*); 7) новгородская система с *у либо *ѣ̌ в 1-й позиции и *ѣ̌ во 2-й позиции (*молодѣ̌й/молодѣ̌й* : *мѣ̌ю*). Только в кривичских по происхождению говорах встречаются системы 3, 4, 5 и 7 (подробнее см. [17, с. 118–121]).

2. Рефлексы *ѣ, *ь перед мягкими и смягченными сонантами

Специфической чертой псковских говоров (а также, видимо, части смоленских) является переход *ѣ > е(э)/ы и *ь > 'и перед исконно мягкими сонантами (*n', *l', *r' = *nj, *lj, *rj) и новыми сочетаниями сонант + j (lj, nj, rj < lъj, nъj, rъj, гъj). Иными словами, в псковском и смоленском диалектах редуцированные в данной позиции (перед мягкими сонантами, но не старыми "полумягкими" перед *ь в словах типа *дѣнь) получали то же фонетическое качество, которое было свойственно "напряженным" *ѣ и *ь перед j, и развивались в дальнейшем как последние⁸: псков. *одѣнье* < *о-дѣнье; *вдѣль* < *вѣ-дѣль; *острѣвье/острѣве* < *острѣвье; *гылѣк/гилѣк* 'рукомойник' < *гѣлькѣ; *молѣнья* 'молния' < *мѣл(ѣ)нѣя; смолен. *ванѣрь* 'кабанчик' < *вер(ѣ)ръ; также псков. *болѣнье/болѣнье* < *бол(ѣ)нѣ с особым развитием "полногласного" сочетания; ст.-смолен. *Смолинскѣ* < *smolъnjъskѣ. В древненовгородском, верхневолжском, полоцком и западном кривичских диалектах *ѣ и *ь в данной позиции развивались по "общевосточнославянскому" типу (впрочем, в верхневолжском, где *ѣ > о, невозможно отличить "псковско-смоленский" тип развития от "общевосточнославянского").

Особое развитие *ѣ и *ь перед мягкими сонантами является специфически кривичской чертой. Оно связано с тем, что в кривичских диалектах (по крайней мере в псковском и в части смоленских говоров), по-видимому, до эпохи падения редуцированных и даже позднее сохранялось различие между "полумягкими" (возникшими из твердых перед гласными переднего ряда) и мягкими сонантами старого и нового происхождения (n' < nj, n'j < nъj, где слабый редуцированный выпадал заведомо раньше, чем в других позициях, ср. новгородские топонимы типа *Захонье* < *захѣлмье и т. п.). Видимо, в кривичском существовал целый ряд палатальных согласных — кроме сонантов, также *к', *г', *х', *ѣ' (см. раздел 4).

3. Рефлексы *k, *x в позиции II палатализации

Давно известно "отсутствие рефлексов второй палатализации" (вернее, аффрикатизации рефлексов велярных *k, *x и превращения в s' праслав. *x в позиции II палатализации) в псковских говорах и отчасти в древненовгородском диалекте [15, с. 12–14]. Речь идет в основном о рефлексах корневых *k, *x в *кѣръ 'цеп' и 'палочка', *кѣдѣти 'цедить', *кѣрку 'церковь', *кѣвъ 'полая палочка, шпудлька', *кѣлъ 'целый', *кѣна 'цена', *хѣръ 'серый', *хѣдѣ 'седой': псков. *кеп* 'цеп; нить или круглая палка, употребляемая для сохранения параллельности основных нитей ткани' и производные от этого слова; *кевь*, *кевка* и т. п. 'ручка цепа; шпудлька'; *кедитъ*, *кеж* 'цедить; процеженный настой'; др.-новг. *хѣре 'серый'; *кѣле* 'целый'; *крѣкъвъ* 'церковь'; *хѣде 'седой' (в топо- и антропонимии)⁹.

В псковских и новгородских говорах засвидетельствована также и другая система, "новопсковская", при которой *k в позиции I и III палатали-

⁸ См. документированный материал в [17].

⁹ См. [17], а также [20] и [21]. Вполне вероятно влияние кривичских систем на утрату чередований k/c, g/з, x/s' на морфемных стыках во многих великорусских диалектах, в том числе легших в основу литературного языка.

заций дает *ц*, в позиции II палатализации — *ц'/ч'* (*ц'элый*, *ц'ёркоф/ч'ёрква*, *ч'ёд'им* — но *цорт*, *цыстый*, *у́л'ица*, на *у́л'ицэ* и т. д.). В смоленском диалекте (как в великорусских, так и в белорусских говорах) распространена “смоленская” система с совпадением рефлексов I и II палатализаций в *ч/ч'(/ц')* и противопоставленным им рефлексом III палатализации (обычно *ц*): *ч'авина*, *чап'ёц*, *ч'ёркэв*, *чына́*, *ч'еп*; *кр'ича́т*, *н'ич'аво́*, *уну́ч'ек*, *ўскó-ч'ит'*, но *у́л'ица*, *ку́р'ица*, *ў канцэ́* и т. п. В архаичных говорах, восходящих к верхневолжскому и полоцкому диалектам, отмечено или реконструируется “полное цоканье”, и в них рефлексы всех “палатализаций” совпадают.

В смоленском, полоцком и западном диалектах **х* в позиции II палатализации дает *ш* (смолен. *шэ́рый*, сев.-блр. *шэ́ры(ў)*); в верхневолжском в этой позиции представлено *с'* (*с'эрой*¹⁰), хотя *с'*- в этом слове может быть и заимствованным.

4. Развитие **tj*, **dj*, **sj*, **zj*

Развитие **tj*, **dj* > *к*, *г* и **sj*, **zj* > *х*, *γ* перед *а* и *о* в псковских и смоленских говорах доказывается на следующих примерах: 1) псков. *но́ха* ‘ноша’ < **nosja*; *напу́га* ‘пресыщение’ < **na-prǫdja*; *уда́ка/вда́ка* ‘удача’ < **vǫdatja*; *наде́га* ‘надежда’ < **na-dedja*; олон., новг. *запрё́ка* ‘досада’ < **za-prǣtja*; смолен. *моло́ха* ‘молодые растения’ < **moldja*; *зуна́ха* = **zǫnáха* ‘пазуха’ < **za-pazja*; 2) итеративные глаголы на *-ja-*: псков. *ска́хтэвaть* ‘скашивать (косой)’ < **kasjevati*; *прикра́хтэвaть* ‘прикрашивать’ < **krasjevati*; *меха́ть* ‘мешать’ < **mǣsjati*; *праха́ть*, *пра́хтэвaть* ‘просить’ < **prasjati*, **prasjevati*; *веха́ть* ‘вешать’ < **vǣsjati*; *на́хтэвaть* ‘носить’ < **nasjevati*; *награ́хтэвaть* ‘грозить’ < **grazjevati*; *ва́хтэвaть* ‘возить’ < **vazjevati*; *рожа́ть* < **rodjati*; псков., смолен. *сострека́ть*, *встрекáть* < **stǣ-rǣtjati*; псков. *о-, выпруга́ть* < **prǫdja*; *впе́кaть* ‘засунуть’ < **pǣtjati*, ср. *в-némumь*; *бога́ть* ‘бодать’ < **bodjati*, ср. псков. *боду́ть*; *завекáть*, *завекова́ть* ‘давать зарок, завещать’ < **vǣtjati*, **vǣtjevati* и т. д. (см. [17], где приводится документированный материал). В верхневолжском, полоцком и западном диалектах известно лишь **tj* > *к* перед *-а-* (и, видимо, *-о-*): сев.-блр. *сустрака́ць*, *замяка́ць*, тогда как **dj*, **sj*, **zj*, видимо, отражались как *ж/ж'(/дж)*, *ш/ш'*. В древненовгородском, судя по данным берестяных грамот, все рефлексy “общевосточнославянские” (*ц/ч*, *ж*, *ш*, *ж*) — см. [16, с. 62].

Сложнее дело обстоит с рефлексами **tj*, **dj*, **sj*, **zj* в позиции перед передними гласными. Видимо, в псковском мы имеем **tj* > *-к'/-м'*, **dj* > *-дз' > -з'* (*га́м'и* ‘штаны’ < **gatjǣ*; онеж. *мезе́нь* ‘жаркая пора, штиль’ < **medjǣнь*; *ры́зий* ‘рыжий’ < **rydjǣbь*), также *-ц/ч'*, *-ж* < **tjǣ*, **djǣ* (суффикс *-иц/-иц'* < **itjǣ*, онеж. *кеж* < **kǣdjǣ*, ср. чеш. *sez*, серб.-хорв. *ци́јећ*); рефлексy **sj* и **zj* в этой позиции точно не известны. В смоленском **tj* дает *ц'/ч'* (*га́ч'и*, *-иц' / га́ч'и*, *-иц' / га́ч'и*, *-иц' / га́ч'и*), **dj* > *-дз' > -з'*, *-з* (*ме́з* ‘между’ < **medjǣ*, *мезисц́тка* < **medj[e]sitska*), **sj* и **zj*, по-видимому, дают *ш/ш'* и *ж/ж'*. Видимо, такое же или близкое развитие было в верхневолжском, западном и полоцком диалектах, но первоначальная картина там сильно затемнена в результате интенсивного выгеснения “цоканья”, что привело к “заимствованию рефлексy” в большинстве корней при сохранении редких лексикализованных форм со старой фонетикой.

¹⁰ См. [17, с. 141–152]. Блр. лиг. и ю. *ша́ры*, видимо, является польским заимствованием.

Окончательное установление древней рефлексии **k*, **x* (примеры на **g* в корнях пока не обнаружены) в позиции II палатализации и **tj*, **dj*, **sj*, **zj* перед различными гласными в кривичских диалектах еще предстоит, однако уже сейчас можно утверждать, что система, предшествовавшая рассмотренным рефлексам, не выводима из постулируемой “общеюжноточнославянской”. В псковском и смоленском диалектах (а первоначально и во всех кривичских) были представлены системы рефлексии, близкие к западнославянской и принципиально отличающиеся не только от всех других восточнославянских, но и от южнославянских. Дело в том, что в этих кривичских и в западнославянских лехитских¹¹ системах сочетания дентальных (как глухих, так и звонких) с *-j-* перед передними гласными и велярными в позиции II палатализации дают одинаковые рефлексy, тогда как в других славянских диалектах эти рефлексy различны¹²:

	Псков.	Смол.	Лехит.	Русск. лит.	Ст.-слав.
<i>*tj</i>	<i>*k'</i>	<i>č'/ć'</i>	<i>*c'</i>	<i>č'</i>	<i>š'ŷ'</i>
<i>*dj</i>	<i>*ž' > z'</i>	<i>*ž' > z'</i>	<i>*ž'</i>	<i>ž</i>	<i>ž'd'</i>
<i>*sj</i>	?	<i>š</i>	<i>*s'</i>	<i>š</i>	<i>s'</i>
<i>*zj</i>	?	<i>ž</i>	<i>*ž'</i>	<i>ž</i>	<i>ž'</i>
<i>*k^ē</i>	<i>k'</i>	<i>č'/ć'</i>	<i>*c'</i>	<i>c</i>	<i>c'</i>
<i>*x^ē</i>	<i>x'</i>	<i>š</i>	<i>*s'</i>	<i>s'</i>	<i>s'</i>

Судя по распределению рефлексов, первоначально как велярные в позиции II палатализации, так и сочетания дентальный + *j* во всей кривичской области совпали в особом палатальном ряду (**k̑*, **g̑*, **č̑*, **š̑*); палатальные превратились в велярные перед задверядными гласными (откуда *tj > k* и т. п.) и *-v-* (откуда **kvěť > kvěť*)¹³, тогда как перед передними гласными в одних говорах сохранились палатальные смычные и спиранты (в записях *k'/m'*, *x'/c'* и т. д.), в других смычные превратились в палатальные аффрикаты (которые в русской транскрипции обозначаются как *ц'* и т. д.) с дальнейшим развитием в передние аффрикаты, а спиранты в мягкие (в дальнейшем отвердевшие) шипящие.

5. Рефлексy **Tl*

Псковский рефлекс *-гл-* (*-кл-*) < **dl*, **tl* известен давно: *блѹглицѧ* < **bljudli sę*, *привегли* < **privedli*, *уссегли* < **vǫzsędli*, *соустрѣкли* < **spsǫrękli* и т. п. в старопсковских рукописях (см., в частности, [1, с. 101–102]); псков. *жагло/жигло* ‘жало’ < **žęTlo/*žiTlo*, *жерегло* ‘протока’ и т. д. < **žerTlo*. Начальное *кл-* < **Tl* отмечается в псковском, древненовгородском,

¹¹ В большинстве других западнославянских языков (в чешском, верхнелужицком и т. д.) разницу между поведением **dj*, **g* в позиции II палатализации и **g* в позиции III палатализации установить невозможно ввиду совпадения “западнославянских” **ž'* и **z'* в *z'*. Отличная от лехитской система представлена в ср.-словацких говорах, где **tj* и **k* в поз. II палатализации развиваются одинаково (> *c*), тогда как **dj > ž* (оравск. *mezǎ*) в отличие от **g* в поз. II палатализации (> *z*: dat. *noze*) — см. [22]. Таким образом, ср.-словацкие рефлексy, фонетически напоминающие лехитские, системно примыкают к южнославянским (ср. еще развитие *ORT- > RaT-*, совпадение рефлексов *TǫRT* и *TRǫT* в *TRT* и т. п.).

¹² См. подробнее о рефлексях праславянских дентальных с *-j-* и велярных в позиции всех трех палатализаций в “пракривичском” и далее в отдельных кривичских диалектах в [17, с. 128–141; 150–152; 23, с. 59].

¹³ См. о вторичном отвердении западнославянских палатальных в этой позиции ниже.

**zerTlo*. Начальное *кл-* < **Tl* отмечается в псковском, древненовгородском, смоленском и западном диалектах (псков./новгор. *клещ* 'лещ' < **Tleščьjь*, смолен., западн. *клѣк* 'селедочный рассол' < **Tlьkъ* или **Tlekъ*, ср. полоцк. *лѣк* 'id.' и некоторые другие). Кроме того, в псковском и верхневолжском диалектах *-кл-* является на месте **Tl* в рефлексе **čylī*, *-а* (*прочклá*, *прочклī* 'прочитала, читали').

В белорусских говорах, возникших на основе западного кривичского диалекта, распространен рефлекс *-дл-* (реже *-л-*, *-ѳл-*, *-ѳл-*, *-в-*) < **Tl* во многих словах, как правило, в суффиксе *-*Tlo-*. Бытующее мнение о польском происхождении этих слов, видимо, неверно ввиду чисто белорусского характера фонетики и акцентуации этих слов, а в некоторых случаях и словообразовательных моделей: *відла*, *відлы* 'вилы' (**viTla*, **viTly*); *журавó*, *жераўлó* (< **zerTlo*); *крызлы* 'боковые жердки в саях' (< **kriTla*); *матавідла* 'мотовило' (< **motoviTlo*); *мядліца* 'мялка', *мядліць* 'мять на мялке' (< **męTlo*, **męTlica*); *сука́дло*, *сука́йло* 'приспособление для навивания нити на цевку' (< **sukaTlo*); *шы́дла* 'шило' (< **šiTlo*); *жа́дла* 'жало' (< **žęTlo*); *трапайло* 'приспособление для трепания льна' (< **trepaTlo*); *мы́дла*, *мы́дліць*, *мы́дліца* 'мыло; намыливать; таз для стирки' (< **myTlo*, **myTliti*, **myTlica*); *са́дла* 'сало' (< **saTlo*); *ра́дло*, *ра́дліць*, *ра́длавіць* 'плуг-окучник; окучивать' (< **orTlo*, **orTliti*, **orTlovati*); *цапі́дло/цапавідла* 'рукоять серпа' (< **čępiTlo*/**čępoviTlo*), а также *я́ләнец*, *я́длі́нец*, *я́длѣц*, *я́длóвец/я́длаве́ц*, *я́длóўнік* 'можжевельник' (< **j[a]Tlньсь*, **j[a]Tlньсь*, **j[a]Tльсь*, **j[a]Tловсь*, **j[a]Tловьнік*) — среди этих форм из польского могли быть заимствованы лишь рефлексy **j[a]Tловсь*, но и последнее сомнительно ввиду того, что вариант со вторичным *-Tl-* известен только из восточнославянских диалектов, и само польск. *jadłowiec*, видимо, имеет *dł* под влиянием белорусских форм¹⁴. Рефлексy **čępiTlo*/**čępoviTlo* и **j[a]Tl-* с сохранением *-дл-* отмечаются не только в западном, но и в полоцком диалекте. Во всех прочих примерах как в полоцком, так и в верхневолжском (где единственное исключение — *кл* в рефлексе **čyl-*) **Tl* дает *л* во всех позициях. В интервокале **Tl* дает *-л-* также в древненовгородском (см. [21, с. 121]). Прочие восточнославянские диалекты имеют рефлекс **Tl* > *l* во всех позициях, за исключением некоторых архаичных закарпатских говоров с развитием *-*Tlъ* > *-γ*, *-*TlV-* > *-lV-* после *и* < **и*, **р*, *ѳ/и* < **ѳ*, например, в с. Тұрғыя Поляна Перечинского р-на Закарпатской обл. (с оглушением конечного *-γ*): *vjux* (< **védltъ*), *welá* (< **vedlā*); *byx* (< **bódtъ*), *bolá* (< **bodlā*); *pl'yx* (< **pletltъ*), *pletá* (< **pletlā*); *γux* (< **gōdtъ*), *γulá* (< **gōdlā*); *ml'yx* (< **métltъ*), *melá* (< **metlā*). Эти формы на *-x* < *-γ* несомненно не имеют никакого отношения к сигматическому аористу¹⁵. Галицкий украинский диалект, к которому принадлежит и этот закарпатский говор ужанской группы, имеет с кривичскими диалектами специфические акцентологические схождения (см. ниже) После гласных *-а-*, *-о-* и *-и-* и после согласных *-*Tl* дает *-w-*: *wraw* (< **wъpādtъ*), *wpála* (< **wъpādlā*); *kraw* (< **krādtъ*), *krála* (< **krādlā*); *s'iw* (< **sědtъ*), *s'ila* (< **sědlā*); *iš'ow* (< **šōdtъ*), *išlá* (< **šōdlā*); *pr'aw* (< **prēdtъ*), *pr'ála* (< **prēdlā*); *klaw* (< **klādtъ*), *klála* (< **klādlā*); *cw'iw* (< **kvēdtъ*), *cw'ilá* (< **kvēdlā*); *j'w* (< **jēdtъ*), *j'ila* (< **jēdlā*); *pow'iw* (< **povēdtъ*),

¹⁴ Первоначально это слово имело вид **jalовсь*, ср. чеш. *jalovec*, в.-луж. *jałorc*, польск. *jadłowiec* и получило вторичное *-Tl-* под влиянием **jeTl-* 'ель'.

¹⁵ См., например, обсуждение этого вопроса в [24].

powila (< **povědla*). Сочетание **sTlъ* даст *-st: rust* (< **ōrstlъ*), *roslá* (< **orstlā*).

Судьба праслав. **Tl* объединяет кривичские системы с западнославянскими, однако сложное распределение рефлексов **Tl* говорит о длительном, независимом от других славянских языков развитии этого сочетания в кривичских говорах.

6. Рефлексы **ѣ*

В отличие от всех прочих восточнославянских диалектов, для которых характерны рефлексы праслав. **ѣ* в виде узкого гласного или дифтонга со вторым узким компонентом (укр. *іє, е, і* по диалектам, ю.-блр. *іє, е*, вост. и сев.-русс. *іє, е, і*), для кривичских в основе говоров свойственны рефлексы открытого монофтонга (либо дифтонга с широким вторым компонентом, типа *іє* или *іä*). Рефлексы “узкого” дифтонга редко отмечаются в по-видимому некривичских по происхождению говорах на территории верхневолжского и смоленского диалектов (см. ДАРЯ, вып. I, карты 40, 41).

В севернополюских и других сев.-русских говорах отмечаются рефлексы **ѣ* в виде *ä, 'a*, нетипичные для остальной восточнославянской территории: псков. *яла* (Гдов.) ‘ела’ < **jědla*. *кяп* ‘цеп’ (псков., ПОС 1, с. 167 и материалы ДАРЯ) < **kěръ* = **cěръ*, онсж. *рјана* ‘репа’ < **rěpa* и т. д.¹⁶ В белорусском: “Совпадение *ѣ* и *е* произошло позже обращения последнего перед твердыми согласными сначала в *ö*, а потом в *о* с предыдущей мягкостью согласного; вследствие этого, хотя *ѣ* и *е* совпали в одном звуке, но *е*, заместитель *ѣ*, перед твердым согласным не мог обращаться в *ö*, а переходил в *ä*. Таким образом, тогда как *е* из *е* основного и совпавшего с ним в известных случаях *ь* сохранилось только в виде *е* узкого, так как этот звук возможен был лишь перед мягким согласным, *е* из *ѣ* сохранилось и в виде *ε* и *ä*: *п'єл'и* (п'ѣли), *јєл'и* (ѣли), с одной стороны, и *п'äү* (п'ѣль) и *jäү* (ѣль) — с другой... Таким образом, в белор. языке *ä* всегда предполагает *ѣ*, исключая некоторые случаи, где *ä* на месте *е* вызвано особыми обстоятельствами...” [28] (Е.Ф.Карский буквой *ä* обозначает широкое [ε], а буквой *ε* — узкое [е]). Разумеется, речь в приведенной цитате идет о северных, западных и восточных белорусских говорах, сформировавшихся на кривичской основе, так как в южнобелорусских говорах **ѣ* первоначально отражался в виде “узкого” дифтонга *іє* или монофтонга *є*, отличного от *е* < **е*, **ь* (см. ДАБМ, карта 34).

7. “Второе полногласие”

Явление “второго полногласия”, при котором праславянские последовательности *TъrT*, *TыT* вследствие действия позднепраславянского “закона открытых слогов” превращаются в последовательности типа *TъrьT*, *TыьT* либо *TъrьT*, *TыьT*, возможно, было свойственно всем восточнославянским, а также западнославянским лехитским диалектам. Известно две разновидности развития таких последовательностей.

¹⁶ См. [16; 23]; дополнительный материал в [25; 26]. О неразличении *е* и *ѣ* (иными словами, об “открытом” произношении **ѣ*) в древнесмоленском и древнеполоцком диалектах см. в [27].

Первая разновидность, которая может иметь и иную, чем “второе полногласие”, историческую интерпретацию, характерна для лехитских и большинства восточнославянских диалектов. В них отмечаются рефлексы звуков, которые можно отождествить со слабыми редуцированными после сонанта, в последовательностях *ТьrТ*, *ТьlТ*: польск. *wierzba* < **vьrьbba*, *wierzch* < **vьrьxъ*, ст.-польск. *pirzwy* < **pьrьvьrьbъ*, польск. *wilk* < **vьlьlьkъ*, *milczec* < **mьlьlьčati*; карпатоукр. *ver'x*, *ver'ba*, *smert'*, *žert'*, *četivér'(y)*; русск. стар. и диал. *верьх*, *верьба*, *перьвый*, *серьн*, *четверьг* и т. д. В принципе вероятна и принятая в польской лингвистической традиции трактовка таких рефлексов как развитие праславянских мягких слоговых сонантов **r'*, **l'*.

Вторая (не вызывающая принципиальных сомнений) разновидность “второго полногласия” характерна для восточнославянских говоров кривичского происхождения. Наибольшее число примеров на “второе полногласие” обнаруживается в псковских говорах начиная с древнейшей их фиксации, в современных “севернокривичских” (псковских, обонежских и т. д.) и в древненовгородском диалекте. Наблюдения над языком новгородских грамот показывают, что “праславянские сочетания типа **ТьrТ* перешли в тип *ТьrьТ*. Со временем вставная гласная в таких сочетаниях отождествилась с исконно редуцированными и разделила их дальнейшую судьбу (при том, однако, что *ъ* или *ь* перед плавной во всех случаях сохранял свойства сильного редуцированного)” — [29, с. 201; см. также с. 265–268].

Однако если такое развитие можно считать свойственным древненовгородскому “койне”, сложившемуся при взаимодействии говоров кривичского и ильменско-словенского происхождения (последним, как показывает современный диалектный материал, было свойственно “общеювосточнославянское” развитие последовательностей *ТьrТ*), то для говоров собственно севернокривичского происхождения необходимо предположить более сложные условия развития этих последовательностей.

Материалы Псковского областного словаря показывают, что “второе полногласие” регулярно обнаруживается только в позиции перед праславянскими сильными и слабыми редуцированными, причем лишь тогда, когда последовательности *ТьrТ* имели интонацию “нового акута” (дающую рефлекс долготы в данной позиции во всех славянских языках) либо находились в морфонологических позициях западнославянского аналогического удлинения (чаще всего в образованиях с суффиксами *-ъкъ*, *-ъко*, *-ъка*). Ударение в диалектных формах, вследствие позднейших преобразований, в отдельных случаях нерегулярно.

Ниже приводится полная выборка из ПОС, вып. I–VI и выборочная из вып. VII. 1) В слогах с “новым акутом”: **žьlьъ* > *жолач* (VI:97¹⁷), **stьlьъ* > *сталон* I:75, II:160, *сталол* III:160, *сталон* IV:40, **čьlьъ* > *чолън* VII:11, **šьrьъ* > *сярѣн* II:153, *сѣрил* V:21, **vьrьъ* > *верѣх*, *наверѣх* в разных фонетич. вариантах, *passim*, в частности III:100–101, **jьrьъ* > *ярѣш* V:128, *ерѣш* VII:5, **kьrьъ* > *корам* I:62 *кором* V:15; **pьlьlьъ* (l-*ptc.*) > *полас* II:21 bis, *вѣпалас* VI:35, *упалос* VI:113, **vьlьъ* (gen. pl.) > *валон* IV:112, *волан* IV:112, *волон* VI:152, **žьrьъ* (gen. pl.) > *жорон* III:90, *жарѣн* III:135, **mьlьlьъ* (**mьlьlьja*) > *маланья* VI:72, *молыньѣ* I:54, *маланья* II:38, *моланья* II:99, *моланью* III:160, *моланья* I:52, II:18, IV:53, V:47; *малынья* IV:31, *маланья* II:38, IV:21; **dьrьъ* > *дярѣня* II:159; **čьlьlьъ* > *чалонкам*, *чалонак* IV:23,

¹⁷ Здесь и далее римская цифра обозначает том издания, через двоеточие дается страница.

чѣланок V:69, **stǫlbъkъ* > *стѣлабѣк* III:25, у *сталапкѣ* III:49, на *стѣлапкѣ* IV:35, *столобѣк* VI:150, **stǫgrъkъ* > *серепѣк* II:192, **vǫgrъkъ* > *вярѣшык*, *ви-ряшкѣ*, *вирышѣк-та*, *вирышѣк*, *вирышѣкѣ* III:109, с *верешѣкѣ* V:125, **ozǫrbъkъ* > *ожерѣлак* VI:192, **xǫlmbъkъ* > *холомок* II:63, на *хамалѣкѣ* (sic) II:182, ф *халамѣкѣ* IV:43, **zǫrbъkъ* > *жарѣнкѣ* III:96. 2) В позиции аналогического западнославянского удлинения: **vǫlъkъ* > *волочѣк* IV:134, **stǫmъrtъka* > *да смярѣтки* II:216, *смярѣтка* VI:28, **skatъrtъka* > *скатерѣткам* I:167, ф *скатирѣтку* II:8, на *скатирѣтки* II:9, *скѣтярѣтку* II:18, III:8, *скатирѣтки* III:9, *скатирѣтка* IV:181, на *скатирѣтку* VI:39, **vǫrbъka* > *вѣребѣка* III:80, **stǫrbъka* > *шѣрѣтку* II:154, **zǫrbъka* > *за жѣрѣтками* II:68, г *жарѣткам* IV:28, **zǫrbъkъ* > *жарѣнкѣ* II:213, III:125, V:181, также прилагательные на -ьн- **stǫmъrtъnъ* > *смяртнѣе* I:169, *смяртнѣае* I:169, *смяртнѣой* III:153, *смяртнѣи* IV:64, **dǫlъznъ* > *должнѣа* VII:34. Сюда же относятся проникшие из “кривичских” почти во все русские говоры и литературный язык *серѣжка* < **stǫrbъka*¹⁸, *дерѣвѣна* < *dǫrbъnъ'a* и *верѣвка* < **vǫrbъka* и их производные (ПОС *passim*). Лишь в одной позиции “второе полногласие” отмечено перед слогом с гласным полного образования — в сопряг. **dǫlъze* > *падалѣжа* II:235, *далѣжы* IV:21 от *dǫlъgъi*. В праславянском этот корень имел интонацию “старого акута” (**dǫlъgъ*), однако в западнославянских языках в компаративах на -*je/-jъs-* обобщена корневая долгота, видимо, заимствованная из форм с “новоакутовой” интонацией (типа **kǫrtъje*, **stǫrtъje*).

В слогах с *TǫRT*, имевших “староакутовую” либо циркумфлексовую интонацию и находившихся перед слогами с редуцированными, рефлексов “второго полногласия” не обнаруживается: *волѣк* (**vǫlъkъ*), *жерѣдъ* (**zǫrbъdъ*), *сѣрѣцѣ* (**stǫrbъdъce*), *пѣлнѣй* (**stǫrbъlъnъjъ*) и т. д. — ПОС *passim*. Неясно развитие слогов с *TǫRT* с “новым акутом” перед гласными полного образования, так как такие позиции крайне редки. Возможно, рефлексом такого рода являются приведенные выше *далѣжы*, *падалѣжа*. В случае других интонаций рефлекс “второго полногласия” в псковских говорах не обнаруживаются (*гѣрѣло* < *gǫrbъdъlo*, *вѣрѣба/верѣба* < **vǫrbъba/*vǫrbъbъa*, ген. *волѣка* < **vǫlъka* и т. д. — ПОС *passim*).

8. Акцентологические особенности

В отличие от большинства южнобелорусских и северо- и восточноукраинских (в основе которых лежат племенные диалекты полян, волянян, дреговичей, древлян и северян), южновеликорусских (сформировавшихся на основе племенных диалектов вятичей) и части северновеликорусских (ильменско-словенских в своей основе) говоров, в системах, возникших на кривичской основе, хорошо сохраняется окситонеза ед. числа существительных муж. рода так называемой акцентной парадигмы *d* (“смешанной”), рефлексация которой является одним из универсальных критериев позднепраславянского диалектного членения.

В некоторых псковских, смоленских и полоцких говорах сохранились непосредственные рефлекс “особого характера акцентной кривой парадигмы *d*”, характеризовавшейся аномальным “циркумфлексом” или “краткостным ударением” в им.-вин. пад. ед. числа при окситонезе (нафлексиион-

¹⁸ Неясно время заимствования слова **stǫrga* в славянские диалекты.

ном ударении) в прочих падежных формах, например: псков., заонеж. *bérek*, род. пад. *берегá*, творит. пад. *берегóm* < **bêrgъ*, **bêrga*, ср. блр. лит. *bérag*, *béraga*, серб.-хорв. *брѣг*, *брѣга*; псков., полоцк. *мóлот*, *молотá* < **môltъ*, **môlta*, ср. блр. лит. *мóлат*, род. пад. *мóлата*, серб.-хорв. *млѣт*, *млѣта*; псков. *круж*, род. пад. *кружá*, полоцк. *крух*, *кружá*, верхневолжск., заонеж. *круж*, *кружá* < **krôgъ*, **krôga*, ср. блр. лит. *круг*, *круга*, серб.-хорв. *крѹг*, *крѹга* и т. д.

Эта черта объединяет кривичские диалекты с украинскими галицкими говорами, северночакавскими говорами типа Суска и Истрии, многими западноболгарскими и восточноштокавскими говорами, верхнелужицким языком и, видимо, с юго-западным чешским диалектом. Некоторые данные говорят о том, что такая же рефлексация а. п. *d* была свойственна восточно-белорусским говорам, в основе которых лежал племенной язык радимичей (см. [18, с. 204]).

В части перечисленных выше славянских диалектов, также как и в кривичском, отмечены другие специфические акцентуационные особенности (например, насущфиксальное ударение в формах 2 л. ед. числа *i*-глаголов а. п. *b* типа *моиши* ~ *мо́литъ* и т. п.).

В кривичском отражены особые условия ограничения правостороннего сдвига ударения с начальных и внутренних слогов на последующие¹⁹, материально не связанного с сохранением окситонезы в рефlekсах акцентной парадигмы *d*.

Здесь уместно привести условные схемы соотношения сдвигов ударения на примере презенса *i*-глаголов а. п. *b*₂²⁰. Рефлексы праслав. краткосложных презенсов (**lôžiti* и т. п.) и долгосложных (**môtiiti* и т. п.) имеют следующие типы отражения²¹:

1. “Архаичный” — *лóжит* ~ *мúтит*. Этот тип имеют: из южнославянских — центрально- и восточноболгарские, штокавские зета-ловченские говоры; из западнославянских — по-видимому, среднечешские говоры.

2. “Антский” — *лóжит* ~ *мутíит*. Такой тип имеют: из южнославянских — западноболгарские и восточноштокавские (“ресавские”), часть чакавских говоров; из восточнославянских — говоры, восходящие к племенным “языкам” кривичей, “белых хорватов” (укр. галицкий диалект²²), славян Среднего Побужья (укр. подольский диалект) и Верхнего Дона (юго-восточные великорусские гозоры).

¹⁹ См. [14]. В более ранних наших работах, в том числе в “Основах славянской акцентологии”, данное явление рассматривалось как оттяжка ударения на предшествующий слог (или ее отсутствие).

²⁰ Так как сдвиги ударения определялись исключительно фонетическими причинами, идентичные соотношения наблюдаются параллельно с *i*-глаголами, в причастиях на *-an-*, в локативах на *-exъ* и многих других позициях. Из-за вторичных (нефонетических) перестроек акцентуации в отдельных морфо(ю)логических категориях в различных говорах указанное соотношение может не сохраняться во всех известных позициях, что, однако, обычно не препятствует установлению первоначального типа системы — см. [3, с. 109–129].

²¹ Ниже дается в ряде моментов уточненный, по сравнению с приведенным в [3] и [14], список.

²² В галицкий диалект входят бойковские, закарпатские, лемковские, сяньские, днестровские, покутские и частично гуцульские и буковинские говоры. Необходимость введения понятия “галицкий диалект” была вызвана тем, что названные выше группы говоров объединяются рядом очень важных древних изоглоссов и все вместе противопоставлены юго-западным украинским говорам, входящим в подольский (подольские, большинство буковинских и часть восточно-гуцульских говоров) и волынский диалекты. См. [30; 31; 3, с. 110]. Некоторые из галицких и подольских изоглоссов приведены на карте 2.

3. “Словенский” — *ложит* ~ *мутит*. Такой тип имеют: из южнославянских — большинство словенских и многие кайкавские говоры, старохорватский диалект Ю.Крижанича, часть болгарских, штокавских (“северноштокавских”, в том числе литературный сербохорватский язык) и чакавских говоров; из западнославянских — сев.-лехитские поморские (словинско-кашубские) говоры и, видимо, полабский язык; косвенные данные позволяют предположить былое наличие этого типа в среднесловацком; из восточнославянских — говоры, восходящие к племенным “языкам” ильменских словен, вятичей, дреговичей (в том числе литературный белорусский язык), древлян, волян, возможно, полян и северян.

4. “Восточнорусский” — *ложит* ~ *мутит*. Такой тип имеют: из южнославянских — восточноштокавские говоры Верхнего Поморавья; из восточнославянских — великорусские говоры “литературного типа” (в том числе литературный русский язык).

Недостаток данных не позволяет установить тип сдвига ударения во многих западнославянских и “радимичских” восточнославянских говорах.

Сохранение ортотоничности (чаще всего в виде окситонезы) косвенных форм существительных а. п. *d* независимо от морфонологического вида основы характерно исключительно для говоров, имеющих “антский” тип сдвига ударения.

Указанные акцентологические особенности являются наиболее важными свидетельствами древнейшей истории кривичского племенного диалекта, так как они никак не могли возникнуть в период после предполагаемого распада общевосточнославянского языка (например, для возникновения данных типов сдвига ударения необходимо было сохранение праславянских долгот и интонаций), тем более что нетривиальное сочетание акцентуационных признаков (сохранение ортотоничности/окситонезы косвенных падежей слов акцентной парадигмы *d*, 2-й тип сдвига ударения и ударение типа *молѣши*) несомненно говорит о том, что в позднепраславянский период имелось специфическое родство диалектов — предшественников кривичского, верхнелужицкого, радимичского (?), галицкого, одного из чакавских (типа Суска – Сали), восточноштокавского и западноболгарского.

Географическое расположение большинства диалектов этой группы (восточные Балканы, восток Карпатской области, значительная часть территории Западной Украины) позволяет связать их с антским племенным союзом и, соответственно, с “антским” вариантом праславянской археологической культуры V–VII вв., характеризующейся в первую очередь керамикой пражско-пеньковского типа.

Напротив, диалекты, легшие в основу поморских (словинско-кашубских), южнобелорусских, северно- и восточноукраинских, ильменско-словенских, южных (вятичских) великорусских, старохорватских и словенских говоров, расположенные в основном в западной части славянской языковой территории и в Полесье, видимо, связаны со “словенским” вариантом, характеризующимся керамикой пражско-корчакского типа (см. [5, с. 104–133]).

Интересно при этом отметить, что к настоящему времени, в результате переселений славянских племен в дописьменный период, носители диалек-

тов “антской” группы во всех новых славянских языковых общностях (западно-, восточно- и южнославянской) оказались, как правило, в западных регионах последних. При этом резкое противопоставление юго-западных белорусских и северо-восточных украинских систем юго-западной (галицкой) украинской системе, видимо, связано с расселением на данной территории, с одной стороны, “словен” (бассейн Припяти и Волынь) и, с другой стороны, “антов” (юго-западная Украина, а также среднее течение Днепра)²³.

II. Племенные языки славян Верхнего Дона и вятичей. Великорусские говоры “литературного типа”

Перейдем к особенностям племенных языков вятичей, славян Верхнего Дона, а также великорусских говоров “литературного типа”.

Здесь уместно заметить, что исследователи, работающие в рамках русской диалектологической традиции, придавая большое значение лингвогеографии и “диалектным различиям”, к великому сожалению, редко обращаются к описанию отдельных говоров. Попытки таких описаний предпринимались в начале XX в. (наиболее полное из них — сделанное О.Броком классическое описание одного из вологодских говоров), в последние же 50 лет ни одной подобной работы не было опубликовано. Факты, собранные в огромном количестве пунктов по “Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка” под ред. Р.И.Аванесова (М.; Л., 1947 г.), даже будучи записаны квалифицированными лингвистами, не дают возможности более или менее полного описания каждого конкретного говора из-за ничем не оправданной фрагментарности программы. Материалы ДАРЯ имеют невосполнимые лакуны в области всех разделов языка (не говоря уж о просодической стороне, которая программой почти не затрагивалась, и восточно- и южнорусская территория в этом отношении представляет собой по сути дела белое пятно), поэтому из очень многих прослеживаемых на южнорусской территории специфических явлений “племенного” периода надежные ареалы можно установить в основном для следующих.

Рассматриваемые ниже граничащие между собою ареалы говоров, входящих к племенным языкам вятичей и “славян Верхнего Дона”, находятся в дополнительном распределении в центральной и южной части южновеликорусской территории. В районе Рязани совмещение в современных говорах явлений, предположительно являющихся “верхнедонскими” и “вятичскими” (а также принадлежащих восточнорусским говорам “литературного типа”), обычно проявляется в сосуществовании тех или иных форм в одном и том же говоре или хаотической чересполосице на небольших участках территории.

Такая ситуация возникла в результате этнического геспр. языкового смешения, связанного с тем, что языковые потомки вятичей в основном остались на своей первоначальной восточнославянской территории, а “славяне Верхнего Дона” были частично оттеснены кочевниками со своей старой

²³ См. [32]. Современные укр. говоры Среднего Поднепровья (полянские в основе?) плохо исследованы — по крайней мере пока нельзя сказать, к какому типу с точки зрения “сдвига ударения” они относятся.

территории к северу и северо-западу, на земли вятичей, хотя в общем сохранили юго-восточную (относительно вятичей) локализацию и традиции “степной” жизни²⁴. Экспансия вятичей происходила в основном в южном и юго-западном направлениях, где восходящие к их языку говоры сохранились в сравнительно “чистом” виде.

Судя по современному расположению изоглосс, связанных со “славянами Верхнего Дона”, носители этих говоров в древности сместились к северу, частично смешавшись с вятичами в районе Рязани, а в дальнейшем заселили территорию к востоку от линии Коломна — Липецк. Археологический ареал “славян Верхнего Дона” занят сейчас населением, говорящим на “вятичских” в основе говорах.

1. Изоглоссы, предположительно связанные с племенным языком славян Верхнего Дона

Из современных говоров к данной группе относится говор д. Деулино, отраженный в материале дифференциального словаря (ССРНГ)²⁵.

Важнейшей чертой, противопоставляющей эти говоры всем другим восточнославянским, является окситонеза instr. sg. *i*-основ, в материале ДАРЯ в основном представленная полунаречной формой *осенью* (спорадически отмечено и немало форм от других *i*-основ — *ночью*, *лошадью* и т. д. (материалы ДАРЯ, вопр. 72г), например, деул. *ис'ан'ју, нач'ју*)²⁶. Ареал почти сплошного распространения таких форм очерчивается восточной границей Касимов — Сердобск, северной границей Рязань — Касимов, западной границей Рязань — Рязск — Липецк — Бобров. Конечное ударение в формах, подобных *осенью* (т. е. в словах подвижной акцентной парадигмы), видимо, невозможно объяснить поздним вторичным развитием, так как не обнаруживаются формы, по аналогии с которыми могла бы возникнуть окситонеза instr. sg.: *i*-основы жен. рода подвижной а. п., в особенности многосложные, имеют в юго-восточных великорусских говорах колонную бари-тонезу ед. числа (типа *осень*, ген. *осени*, dat. *осени*), и лишь loc. sg. может иметь конечное ударение (на *лошаде*), однако в loc. sg., видимо, достаточно рано проникло окончание “твердых” *a*-основ (в *воде*), а в *a*- и *ja*-осно-

²⁴ Этнологические и лингвистические особенности южнорусских “степняков” (сформировавшихся основную массу однодворцев) и их отличия от остального южнорусского населения отмечались давно, в первую очередь Д.К.Зелениным, который предполагал, “что в качестве военно-служилых людей на степную окраину Московского государства поступали, если не главным образом, то в очень значительном количестве — прежние жители этих же самых степей, т. е. абorigены края или, чаще, их прямые потомки” [33], а также Н.П.Гринковой: “Основной массой населения, которая шла вслед за продвижением сторожевой линии, были прежние степняки, бежавшие в период запустения степи в бассейн Оки... По своему этнографическому облику и языку они, несомненно, отличались от местного старого окского населения и едва ли могли легко и быстро с ним слиться” [8, с. 29]. Н.П.Гринкова считала “степняков” вятичами, однако по современным данным вятичами было именно старое население Поочья.

²⁵ Краткое описание морфологии содержится в первоклассном очерке Л.Н.Булатовой и С.В.Бромлей [34].

²⁶ Видимо, еще одним ареалом, где отмечаются подобные формы, является часть “центра” восточнославянского континуума, образуемая некоторыми белорусскими слутско-мозырскими и украинскими вост.-полесскими говорами. В них конечнударные формы instr. сосуществуют с рефlekсами энклитоменов, что, возможно, свидетельствует о сложной предыстории названных говоров: с. Бóрсукóво (на картах Барсуково) Козелецкого р-на Черниговской обл. --- adv. *osen'ni* наряду с *osen'ni* (запись автора); с. Чудин (ныне Ганцевичского р-на Брестской обл.): *касцью, начью* наряду с *кудцью, кудсьцю* [35, с. 37].

вах на восточнославянской территории в instr. sg. отмечено исключительно предконечное ударение (*землёю, водою*). Возникновение окситонезы по аналогии с числительными *пятью, шестью* и т. д. маловероятно.

Лингвогеографическое распределение начальнударных (энклиномических) форм типа **jěsenъjъ*, характерных для остальной восточнославянской территории, и конечноударных типа **jesenъjъ* восходит к праславянскому времени и объясняется различной трактовкой доминантных окончаний в словах а. п. с в период, когда слоги еще сохраняли количественные и интонационные характеристики. Окситонеза многосложных форм подвижной а. п. на **-ъjъ* является диалектной позднепраславянской особенностью, кроме рассматриваемых здесь ареалов она известна лишь из некоторых южнославянских диалектов, в частности, характерна для словенского языка и сопредельных кайкавских, кайкавско-чакавских и чакавских говоров.

Другая изоглосса, связываемая с говорами, в основе которых лежал язык "славян Верхнего Дона", а именно *тепѣц* в качестве названия бьющей части цепа (материалы ДАРЯ, вопр. 165; АРНГ Юг, карты 264–266) — например, деул. *t'un'ěc* — сама по себе не содержит данных о времени ее образования, однако характерно, что из многих славянских названий бьющей части цепа праслав. **terъсь* (производное от глагола **terpъ*²⁷) обнаруживается только в словеских говорах — *těras* 'debelejši konec (glava) pri sercu' (Pleteršnik II, с. 663), а на восточнославянской территории — в основной части ильменско-словенского археологического ареала в среднем течении Ловати, восточнее зоны распространения специфических псковско-кривичских явлений. Ареал слова *тепѣц* на юго-востоке практически совпадает (лишь местами он несколько шире) с ареалом акцентного типа *осенью*.

Третье явление выделяемого ареала — сохранение праслав. ном. sg. *и*-основ на *-ы* в слове *свекры* (материалы ДАРЯ, вопр. 77а, а также карта 10 в ДАРЯ, вып. II). На юго-востоке ареал этой формы очень близок к ареалу слова *тепѣц*. Также форма *свекры* отмечена в узкой полосе говоров между Рязанью и Малоярославцем и в отдельных северно-восточных говорах (причем в XIX в. отмечалась и в новгородских говорах — см. Фасмер III, с. 572). Форма *свекры* является архаизмом, утраченным подавляющим большинством славянских языков.

По отношению к древним акцентологическим изоглоссам система верхнедонских говоров представляет собой очень своеобразную картину. Рефлексация а. п. *d* в них относится к одному из "периферийных" типов, будучи близкой к "северноштокавской" (такую систему имеют и говоры, лежащие в основу сербохорватского литературного языка): слова а. п. *d* с праславянской *и*-основой отличаются от слов а. п. *c* только тем, что у первых представлена окситонеза им. и вин. пад. мн. числа (*и*-основы а. п. *c*, а также *о*-основы а. п. *c* и *d* имеют в этих падежах формы-энклиномены). В ед. числе слова а. п. *d* имеют акцентовку слов а. п. *c*. Из прочих славянских систем ближе всего сюда также "периферийная" система подольских украинских говоров, в которых, однако, окситонеза представлена и в формах ед. числа *и*-основ²⁸.

²⁷ По форме это — архаичное образование на *-ьсь* в значении *помощи agentis* от основы тематического глагола (ср. еще **šьвььсь, *zьвььсь, *zьвььсь*).

²⁸ См. [3, с. 134] (в этой работе неверно сказано о практически полном совпадении рефлексов а. п. *d* и *c* в штокавском); [14, с. 59–60]. Документированный материал по акценто-

По отношению к древним сдвигам ударения “верхнедонские говоры” (в том числе архаичный говор Деулина) относятся к “антской” группировке, т. е. близки к кривичским, подольским и галицким говорам, имея тип *ложит ~ мутит*. Эта система диаметрально противоположна “вятичской” (*ложит ~ мутит*, см. следующий раздел). В деулинском говоре, в котором сильная тенденция к переводу окситонированных презенсов в баритонированные, конечноударные формы сохраняются только у долгосложных глаголов праслав. а. п. *b₂*²⁹: *zab'ad'it'* 171, *nab'ad'it'*, *nab'ad'at'* 305, *pab'ad'it'* 407; *n'i zab'al'is* 222; *byč'acca* ‘упрямится’ 72; *ač'arn'ú*, *ač'arn'at'* 385, *patč'ar'n'is* 426; *č'ar'it'* 154, *prač'ar'is* 275; *kač'acca* 140, *kač'it'* 219, *pakač'acca* 429; *kras'it'* 248; *krut'it'* 292; *kur'at'* 229, *kur'it'* 272; *zakuč'at'* 180; *raskv'al'at'* 483; *abl'ic'at'* 354 ‘оскорбят’; *mut'acca* 301, *pramut'acca* 464; *matv'at'* 295; *papal'is* 53; *r'aš'it'*, *r'aš'us'a*, *r'aš'acca* 489; *n'i sr'ad'is* 351; *sul'at'*, *sul'it'* 548, *sul'acca* 548; *vač'ač'at'* 92; *pažat'is* 426, *žat'it'* 248.

В то же время краткосложные глаголы а. п. *b₂* имеют исключительно баритонированные формы презенса: *prač'tót'it'* 158; *uč'rób'iša* 276; *klón'it'* 76; *kós'ut'* 75, *nakós'is* 89; *n'a kót'icca* 335; *nakróšum* 309, *nakróšut'* 326, *nakróšu* 330; *pač'óžu* 115, *pač'óžys* 157, 255 (ср. неслучайную замену основы в *l'ač'žacca*, *l'až'us* 286 вместо **l'óžacca*, **l'óžus*, видимо, в результате “подравнивания” ударения под восточнорусское или вятичское); *t'él'icca* 90; *tóč'it'* 202; *zatóp'u* (печь) 84, *tóp'u* 90, *tóp'is* 127, *tóp'icca* 159, *n'a tóp'im'si* 164, *istóp'is* 267, *attóp'icca* 382; *zvón'ut'* 186 — ср. сохранение насуффиксального ударения в краткосложных глаголах а. п. *c*: *dač'it'* 93, *dač'is* 146; *drab'it'* 243; *padvaiš* 418; *čad'acca* 189, *pačad'at'* 415; *n'i kar'ú* 138 ‘не укоряю’, *kar'is* 147, *zakar'it'* 184; *n'i atras'it'* 380; *stan'is* 525 и т. п., а также с преобразованным ударением, на что указывает вокализм корня: *čán'is* 91, *čán'ut'* 158, 169, *čán'ima* 292 (рефлекс **loviti*).

Предполагаемые изоглоссы языка славян Верхнего Дона приводятся на карте 3.

2. Изоглоссы, предположительно связанные с племенным языком вятичей

Явления, связанные с племенным языком вятичей, образуют гораздо более мощный пучок изоглосс. Одним из важных явлений является особое отражение начального **kv-* в позиции II палатализации³⁰. В говорах вятичского происхождения обычная трактовка этого сочетания — *m'v'-* (*m'v'em*, *m'v'atók*, *m'v'ac'm'ú*), т. е. в данном случае мы имеем дело с трактовкой **kv-*, близкой к западнославянской (ср. чеш. *květ*, польск. *kwiat*), заключающейся в отсутствии аффрикатизации палатального или палатализованного **k'* (далее > *t'*) в данной позиции³¹. Такой рефлекс праслав. **kv* обра-

ке слов а. п. *d* и *c* в названных системах приводится в [36].

²⁹ Материал приводится в транслитерации по ССРНГ; цифрами обозначены страницы источника. В деулинском говоре глаголы с баритонированными формами *pračs.* имеют начальное ударение и в 1 sg. (ср. *kós'u*, *nakós'is* ~ *kar'ú*, *kar'is*).

³⁰ В основном рефлекс этого сочетания отмечен в слове **kvěť* и его производных: ДАРЯ, вопр. 67 и карты АРНГ Вост., 73, АРНГ Юг, 73, АРНГ Сев.-зап., 118, АРНГ Сев., 132, а также данные СРНГ.

³¹ Для данного ареала характерна особая “тернарная” система отражения велярных в позициях трех “палатализаций”: *č'* из **k* в позиции II палатализации (перед гласными), *č* в позиции III палатализации и *č'/č* в позиции I палатализации. См. подробнее в [17, с. 151–152].

ет на южнорусской территории сплошной ареал в виде неправильного треугольника с вершиной в области чуть южнее Калуги, западная граница образует линию несколько западнее Белева, Орла, Курска и Суджи, восточная проходит по линии Тула — Мичурин — Борисоглебск. Другим восточнославянским ареалом с подобной рефлексацией (но, как правило, с *к'в'*, реже с *к'в'/м'в'* на месте **kv-*) является кривичский, в том числе “кривичский пояс”³². Однако непосредственно с кривичской зоной “вятичский” рефлекс **kv-* связать не представляется возможным, так как между западной границей “вятичского” ареала и восточной границей ареала “южнокривичского” пролегает вытянутая с юга на север до Сычевки широкая полоса говоров с рефлексом **kv- > цв' (ц'в')*. Эта полоса, особенно в своей южной и центральной частях, помимо указанного рефлекса **kv*, отграничена от восточных (вятичских) и западных (кривичских и отчасти радимичских по происхождению) великорусских и белорусских говоров специфическим распределением рефлекса “напряженного” **ѣ* (деснинская система, см. выше): [о] или (в архаичных системах) [ѣ] перед -ѣ следующего слога, т. е. в “сильной” позиции (*молодѣѣ/молодѣѣѣ*) при [ы] в “слабой” позиции (*мѣѣю*), а от восточных говоров к тому же изоглоссой акц. типа *дала́ : бра́ла* (в вятичских говорах исключительно *дала́ : бра́ла*)³³. В большинстве “верхнедонских” говоров представлен рефлекс *kv- > s'v'-* (деул. *s'v'et, s'v'at'et*).

Другой диалектной особенностью, также определенно привязанной к археологическому ареалу вятичей, является конечное ударение особого класса слов жен. рода с суффиксом *-ja* типа *туча, во́ля, до́ля, бу́ря, су́ша, ко́жа* и т. д., праслав. акцентологическая реконструкция которых до сих пор вызывает серьезные трудности. Помимо слова *туча́* с конечным ударением, материал по которому специально собирался (материалы ДАРЯ, вопр. 117а), “странная” окситонеза в этом ареале (в том числе и в ст.-русских рукописях южной локализации) отмечена еще в *бу́ря, во́ля* и т. д. Во всех славянских языках с разноместным ударением слова этого типа имеют накоренное ударение и лишь опосредованный рефлекс конечных долгот (например, рефлекс “нового циркумфлекса” на корневом слоге). И только в лехитских диалектах (польских и поморских) во многих словах этого класса регулярно отмечается рефлекс конечной долготы, а в поморских (кашубско-словинских) сохраняется конечное ударение: помор. *k#úrów < *kupjā, цо́rów < *orjā, sěšów/sušów < *sušā*, малопольск. (Kusała) *bużā < *burjā, grōzā < *gordjā, żāza < *zarjā* (с метатезой) и т. д. Ударение типа *туча́*, видимо, можно поставить в непосредственную связь с лехитскими конечноударными формами с ауслаутной долготой и предположить специфическую связь “правятичских” позднепраславянских говоров с “пралехитскими”. Ареал распространения форм типа *туча́* близок к ареалу **kv- > м'в'-* в позиции II палатализации, но простирается дальше к северу, почти достигая Москвы, при этом очень точно покрывая археологический ареал вятичей. Отмечен-

³² См. [17], карта 4: на ней показано распределение рефлексов этого сочетания и на великорусском Юге, а также изоглосса акцентного типа *дала́ : бра́ла*.

³³ Происхождение этих своеобразных говоров, видимо, можно связать с северянами (менее вероятно, с полянами), составлявшими основу Сновской тысячи и, видимо, Впичжской волости, входивших в состав Черниговской земли. А.К.Зайцев отмечает: “Характерно расположение этой территории по отношению к этнической территории радимичей и вятичей. Она как бы продолжает по правому берегу Десны стародубский клин Сновской тысячи между землями вятичей и радимичей, на севере соседствуя со смоленскими кривичами, вышедшими в верховья Десны” [37].

ные в деулинском говоре соответственные формы, видимо, заимствованы из “вятичских” (*бур’а*, adv. *давал’а* ‘довольно’ < **do vol’a*, ср. синоним *дóвал’и* < *do vol’ě*, но всегда *туч’а*). Спорадически формы типа *туч’а* отмечаются в говорах так называемого “брянского угла” (в районе Новозыбкова, Стародуба, Трубчевска), видимо, частично восходящих к радимичским, однако неясно, не являются ли отмеченные формы принадлежностью переселенческих говоров с востока. Возможно, в пользу исконной связи указанных говоров с “вятичскими” говорит идентичность распределения глагольных форм 3 sg.

Характерной для “вятичских” говоров чертой является особая система распределения форм 3 л. ед. и мн. числа настоящего времени с окончанием *-t’/-t* и с нулевым окончанием. Обычным для большинства “вятичских” говоров (а также для говоров “брянского угла” и сопредельных белорусских “радимичских” говоров Посожья) является следующее распределение (см. ДАРЯ, вып. II, карты 80, 81; материалы ДАРЯ, вопр. 103, 104). Тематические глаголы: sg. *ст’ане* — pl. *ст’анут* (реже *ст’ану*); sg. *нес’е* — pl. исключительно *несу́т*; *i*-глаголы: sg. *ходи* — pl. *ходю́ть* (реже *ходю*); sg. *сиди́ть* (редко *сиди́*) — pl. *сидя́*. Такая система распределения окончаний не похожа на прочие восточнославянские системы с нулевым окончанием в 3 sg. и pl. праес. — как на псковско-кривичскую, так и на белорусско-украинскую систему: ср. укр. *ст’ане* — *ст’ануть*; *нес’е* — *несу́ть*; *ходи́ть* — *ходя́ть*; *сиди́ть* — *сидя́ть*. Вятичская система, также как и кривичская, отличается от украинско-белорусской нетривиальностью распределения *т’/θ* и большим числом позиций отсутствия рефлекса окончания **-tь*. Восточная граница распространения “вятичской” системы практически совпадает с границей рефлекса **kv-* > *т’в’-* в позиции II палатализации, однако северная граница, так же как у ареала ударения типа *туч’а*, проходит на севере ближе к Серпухову и Коломне. Западная граница проходит значительно восточнее границы **kv-* > *т’в’-* в позиции II палатализации, по линии Малоярославец — Тула — истоки Сосны — Курск — Суджа. Видимо, сдвиг прежней границы к востоку произошел под влиянием говоров “между вятичами и радимичами” (см. выше), для которых характерно сохранение *-tь* во всех позициях. Такая же “нередуцированная” система характерна и для “верхнедонских” говоров.

Отсутствие консонантного окончания в 3 л. ед. числа настоящего времени характерно (с теми или иными распределениями) как для украинских и белорусских говоров, так и для большинства южнославянских языков и для всех западнославянских. Напротив, отсутствие *-tь* в формах мн. числа характерно только для западнославянских языков (в том числе для лехитских), при этом начиная с самых ранних памятников письменности. Видимо, отсутствие консонантного окончания в 3 pl. в великорусских “вятичских” говорах (при этом отметим нетривиальное распределение консонантного окончания и нулевого, что может отражать сильно модифицированную архаичную систему, превратившуюся в тривиальную в западнославянских языках), наряду с ударением типа *туч’а* и архаичным рефлексом **kv-* > *т’в’-* в позиции II палатализации, говорят о древних генетических связях вятичского племенного языка с лехитскими языками. При этом сохранение в вятичском рефлексе *т’в’-* мягкости (палатальности), видимо, является более архаичным, чем кажущееся сохраненным в первоначальном виде западнославянское сочетание. Это же, основываясь на других фактах, вслед

за Н. Ван-Вейком предполагал Н.С. Трубецкой: "... В случаях типа польск. *kwiat, gwiazda* ... можно предположить вторичную веляризацию. В этом случае отношение между западнославянскими и другими славянскими языками можно выразить следующим образом: (возникшие в результате третьей [т. е. второй в наших терминах — С.Н.] палатализации задненебных) мягкие задненебные **k*, **g*, **x* во всех праславянских диалектах *г-с-ред* мягкими передненебными, а в западнопраславянском и перед мягким губным **ŷ* веляризовались в *k, g, x*" [38].

Собственно "вятичской" лексической инновацией, ареал которой также хорошо соответствует археологическому ареалу вятичей, является особое название бьющей части цепа (**ter-inъ-ka*/**сѣр-inъ-ka*), неизвестное из других славянских ареалов. При этом остается неясным, какой из этих вариантов более старый.

С точки зрения кардинального устройства акцентуационной системы "вятичские" говоры являются типично "словенскими", относясь к тому же типу, что и юго-западные белорусские и северо-восточные украинские, лехитские польские (по крайней мере малопольские и силезские) и словинско-кашубские (поморские) говоры.

Слова а. п. *d* ведут себя в них в общем так же, как слова а. п. *c*, совпадая по рефлексам акцентной кривой с последними (за исключением отдельных основ с корневой структурой *Тъ/ьRT*). В области сдвигов ударения "вятичские" говоры имеют исходный тип *ложит ~ мѹтит*, причем многие из них поныне сохраняют архаичную систему маргинально-подвижного ударения в глаголе, утраченную более западными восточнославянскими говорами.

Система глагольной акцентуации одного из архаичных "вятичских" говоров отражена в ст.-русском памятнике начала XVI в. "Космография", описанном А.А.Зализняком [39]³⁴. Также несомненно вятичскую систему акцентуации отражает рукопись нач. XVII в. "Травник и лечебник" (ГБЛ, ф. 37, №431). Ср. акцентуацию презенса глаголов а. п. *b*₂ в "Травнике"³⁵:

Долгосложные основы: *бѹрѹнѹи* 510b, *бѹрѹнѹи* 527b; *нѣ кáзати* 522a, *кáзати* 520a, *скáзати* 527a; *кѹрмиати* 273a, 277a, 411b; *оу́кжати* 491b, 495b, 510b, 523a, 526b, 527a; *переполѹишѹи* 488a; *порѹзнати* 452b; *счѹишѹи* 'сочится' 502a; *хвáлати* 452a; *щѣмѹи* 279b, 306b.

Краткосложные основы: *вложѹи* 495b, *положѹи* 505a, *положѹи* 351b, 479a, *приложѹи* 262b, *приложѹи* 67a, 511a; *расплѹдѹи* 381a, *расплѹдѹи* 137a; *творѹи* 38b, 64b, 161a, 288b, 470a, 497a, *творѹи* || 252b, *творѹи* 326a, *творѹи* 473b, *творѹи* 99a, 112a, *творѹи* 147a; *затворѹи* 4b, *ѹтворѹи* 244a, 463b, *ѹтворѹи* 72a, 186a, 350a, *ѹтворѹи* 251a, 484b, *ѹтворѹи* 45b.

Некоторые из вятичских изоглосс приведены на карте 1.

³⁴ Некоторые характерные черты "вятичской" системы глагольного ударения в одном из говоров Белевского р-на Тульской обл. описаны в ряде публикаций А.А.Данилова, в частности [40; 41].

³⁵ Материал приводится по росписи, любезно предоставленной автору А.А.Зализняком. О локализации памятника см. [42].

3. Великорусские говоры “литературного типа”

Особый интерес представляет собой генезис говоров, легших в основу русского литературного языка. Эти говоры занимают на великорусской территории старого расселения ареал к востоку от Москвы, располагаясь в основном на территории Волго-Клязьминского междуречья, а на западе занимают узкую полосу от Москвы до верховьев Зап. Двины, достаточно четко противопоставляясь там кривичским и вятичским по происхождению говорам. Они также широко распространены севернее Москвы, образуя своеобразный “клин” между новгородскими и ярославско-костремскими говорами ильменско-словенского происхождения (в частности, говорами “литературного” типа являются тверские окающие и часть белозерско-бежецких говоров). Эти говоры распространены также на обширных территориях нового заселения, что в основном связано с ростово-суздальской и “московской” колонизациями.

Эти говоры не могут быть поставлены в генетическую связь ни с одним из реконструируемых восточнославянских племенных языков. Отдельные явления на указанной территории, имеющие кривичский, вятичский или ильменско-словенский характер, легко объясняются влиянием на говоры “литературного типа” языка переселенцев и соседей.

Великорусские говоры “литературного типа” имеют акцентологические особенности, резко отличающие их от прочих славянских языков. В частности, они не входят в две крупнейшие исторические диалектные группировки — “антскую” и “словенскую”. Для них характерна уникальная рефлексация ударения *o-* и *u-*основ муж. рода а. п. *d*: они имеют в косвенных падежах ед. числа формы-энклимены, подобно словам а. п. *c*, тогда как во множественном числе имеют окситонезу, как слова а. п. *b* (литер. нос, ген. *nósa*, дат. *nó носу* — рл. *носъ*) (см. [3, с. 132–133]). Что касается системы “сдвига ударения”, то говоры “литературного типа” имеют редчайший тип *ложит ~ мутит*³⁶, засвидетельствованный только в штокавском диалекте бассейна Южной Моравы, возможно, действительно связанном древним родством с великорусскими говорами “литературного типа”.

Последние имеют некоторые особенности и в сегментной фонологии и морфологии, многие из которых кажутся “тривиальными” именно из-за традиционного отношения к диалектам “литературного типа” (в первую очередь к диалекту Москвы и ближнего Подмоскovie, а из древнерусских диалектов — к так называемому ростово-суздальскому) как к наиболее типичным продолжателям “древнерусского” языка. Многие из этих особенностей являются характерными для большей части великорусского “северного наречия” и почему-то считаются новгородскими по происхождению, хотя не являются исконными как раз для северо-западного ареала и древненовгородского языка. Другие черты говоров “литературного типа” широко распространились по великорусской территории ввиду престижного положения Ростова, Москвы, а затем — и литературного русского языка. В качестве примеров можно привести твердое *-t* в 3 л., пом. sg. *свекрѡвь*, раннюю замену практически всех окончаний “мягкого склонения” окончаниями “твердого склонения” при отсутствии следов обратного процесса (ген. *землі* как *водѣ*, дат. *землѣ* как *водѣ*, рл. *зѣмли* как *водѣ*, *ножі* как *носѣ* и

³⁶ См. материал в [3, с. 112–120].

т. д.), местоименная основа с *-e-* в *dat.* и *loc.* (*тебѣ, себѣ*), неясного происхождения окончание в *gen.* *меня, тебя, себя* и т. д.

Характерной чертой говоров литературного типа является также редкое в славянских языках праславянское отличие глагольного деноминативного *-ova-/ -uje-* от девербативного *-uva-/ -uje-*, первоначально присоединявшегося почти исключительно к основам *a/je-* глаголов и в дальнейшем ставшего универсальным итеративным формантом (*указывать, привязывать, намазывать* в отличие от *следовать, беседовать*). Все прочие восточнославянские говоры, кроме части центральнобелорусских, имеют в обоих случаях рефлексы **-ova-*³⁷. Из других славянских языков только литературный польский и мазовецкие говоры (в отличие от велико- и малопольских, на которых базировался старопольский литературный язык³⁸) и некоторые штокавские говоры (в том числе и литературный сербохорватский) имеют распределение этих суффиксов, аналогичное литературному русскому.

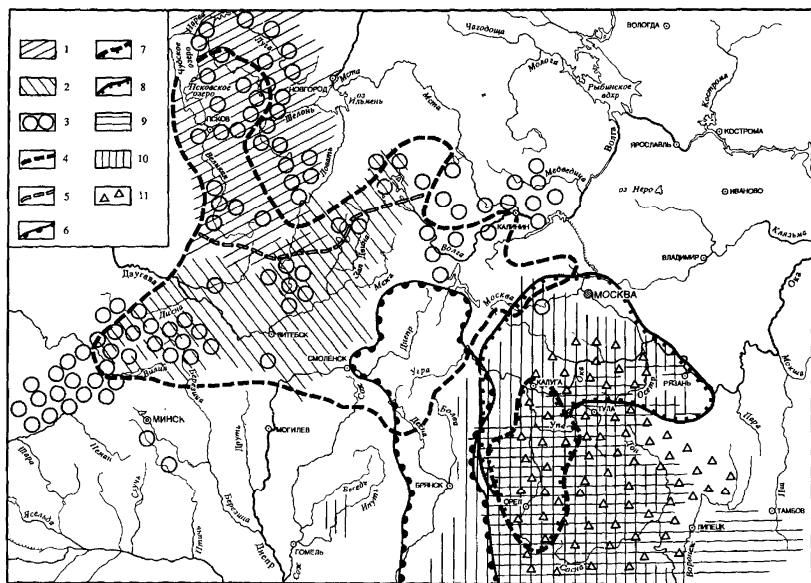
Для восточнорусских говоров Волго-Клязьминского междуречья характерна черта, отсутствующая в литературном языке, но также свойственная центральнобелорусским говорам (а также, видимо, будучи субстратной, отмеченная в части смоленских и полоцких говоров) и многим, в том числе мазовецким, польским говорам. Речь идет о рефлексе в виде *<ѣ>* суффиксального **ѣ* в глаголах типа *кричать, дышать: дыš'ět', дыš'ět', kr'ič'ět', kr'ič'ět'* при том, что итеративы на *-ja-* сохраняют *-a-*: *kon'č'ái', m'eš'ái'* (см. ДАРЯ II, карта 103) — ср. польск. *dyszeć*, но *mieszać*. Не исключено, что в данном случае (по крайней мере в инфинитиве и в формах *мн. числа I-причастия*) мы имеем дело не с восстановлением *ѣ* по аналогии с другими *ѣ/i-*глаголами, а с фонетическим сохранением **ѣ* в позиции перед переднерядными гласными — ср. польск. *czas ~ wczesny, doczesny* (диал. *wczesny*), ст.-польск. *žal ~ o želi* и т. п., где *a*, чередующаяся с *e*, происходит только из **ѣ* [44, с. 83].

Лингвогеографические факты заставляют отвергнуть гипотезу о сложении великорусских говоров "литературного типа" на основе племенного языка ильменских словен (археологический ареал которых, помимо восточной части Новгородской земли, включал в X–XI вв. небольшой ареал в районе Ростова Великого, Ярославля и Костромы): среди севернорусских говоров достаточно надежно можно отличить говоры литературного типа от ильменско-словенских по происхождению³⁹. Также невероятно происхожде-

³⁷ Диалектные формы с твердыми веларными типа *подскакивать, подпрыгивать* несомненно отражают старые формы с *-ова-* при типичной для акающих говоров нейтрализации задних окончаний и суффиксов и выборе формантов с гласными верхнего подъема, ср. *ходят, стады, рыбками/рыбками* и т. д. Все без исключения "вятичские", "верхнедонские" и "кривичские" русские говоры дают основания реконструировать в них первоначальный суффикс *-ова-* как для деноминативов, так и для итеративов. Надежная фиксация рефлекса суффикса *-ова-* в глаголах типа **zъkazuvati* независимо в нескольких слав. языках, видимо, делает несубъективным мнение А. А. Шахматова о вторичности "восточнославянского" суффикса *-ува-* в данной морфологической позиции. При этом укр. лит. и диал. *-ува-* несомненно восходит к *-ова-* — ср. [43].

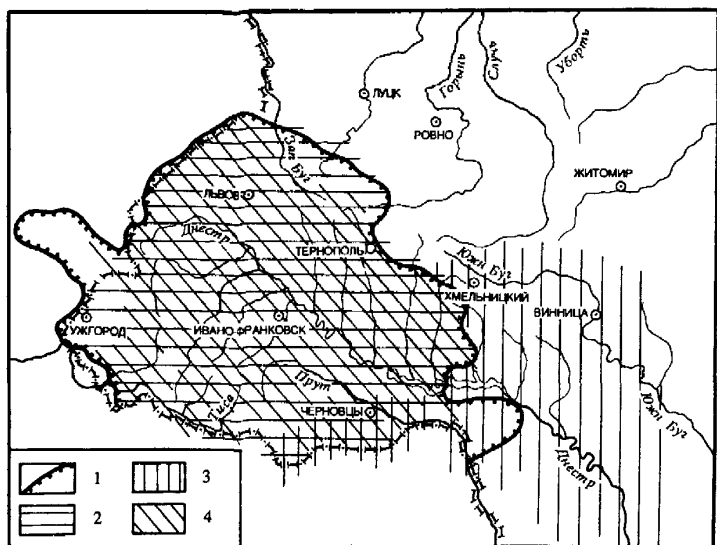
³⁸ Ср.: "В старопольский и среднепольский период этот формант [-ова-] выступал в глаголах, которые позднее заменили его на формант *-ува-* или *-а-*, например, *zastęgować, obiecywać, usługować, opisywać, rozłazować, opatrować, pokazywać, zakazować, zyskować, wypłacać, paragonować, ogarnować* (XIV–XVI в.) Такое состояние характерно и сейчас для говоров всей юго-западной Польши (Великопольша, Малопольша, Силезия)" [44, с. 247].

³⁹ Для последних характерно другое ударение в некоторых категориях, в том числе в *i-*глаголах, лексема *о́льха* 'ольха', окончание *-ога/-ова* в *gen. sg.* прилагательных и т. д.; основной

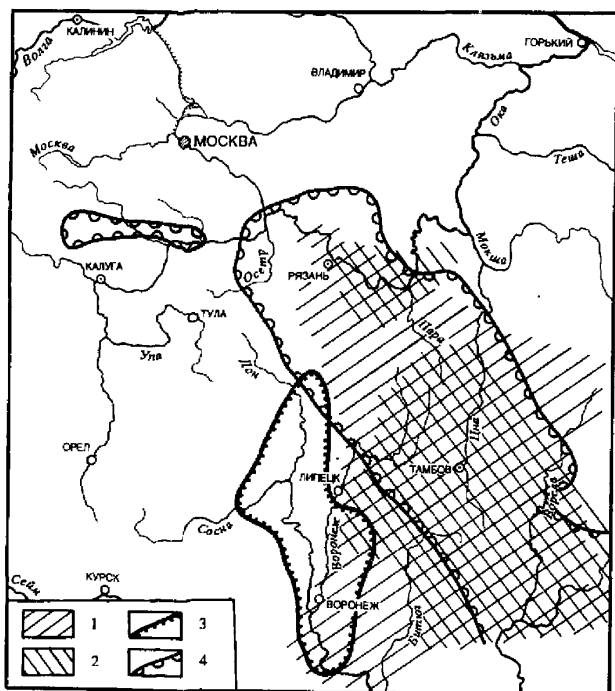
Карта 1. Кривичские и вятичские изоглоссы

Условные обозначения: 1 – псковские типы отражения веларных в позиции II палатализации; 2 – смоленский тип отражения веларных в позиции II палатализации; 3 – рефлексы *T в виде *дл, кд/гд, ул* и т.п.; 4 – ареал кривичей в X в.; 5 – южная граница ареала псковских кривичей в X в.; 6 – пучок северянских (?) изоглосс; 7 – ареал вятчей в X в.; 8 – территория, заселенная вятичами в XI–XIII в.; 9 – развитие *kv (в позиции II палатализации) > k'v в южнорусских говорах; 10 – ударение типа *туча́, воля́*; 11 – *тепичка/цепичка* (название южной части пояса).

Карта 2. Галицкие и подольские изоглоссы

Условные обозначения: 1 – развитие *šestъjъ* > *šest[ы]j* (ср. укр. лит. *šibstij*); 2 – ареал "галицкого" развития а.п. *d*; 3 – ареал "подольского" развития а.п. *d*; 4 – развитие **medъ* > *m'odъ* (*mri'ud*, *m'üd*, *m'id* – ср. укр. лит. *med*).

Карта 3. Изоглоссы славян Верхнего Дона

Условные обозначения: 1 – *тепѣ* (название быющей части цепя); 2 – ареал ударений instr. sg. типа *осенью*; 3 – ареал славян Верхнего Дона; 4 – ареал сохранения ном. sg. *свекрѣ*.

ние говоров “литературного типа” из смешения кривичских, словенских и вятичских компонентов, так как наиболее яркие особенности рассматриваемых говоров отсутствовали в соседних племенных языках.

Как известно, одним из характерных этноопределяющих археологических признаков восточнославянских племен являются височные кольца. На территории Волго-Клязьминского междуречья, а также спорадически на большей части территории старого заселения, где распространены великорусские говоры литературного типа, обнаруживаются кольца особого типа (незавязанные браслетообразные), не являющиеся атрибутом ни одного из известных восточнославянских племен (см. [4, с. 185–196]).

Некоторые археологи считают эти кольца принадлежностью финноугорского племени меря, жившего на территории Волго-Клязьминского междуречья. Однако характерные атрибуты финских племен — шумящие подвески, также находимые в большом количестве в этом ареале — имеют несколько иное распределение (как географическое, так, видимо, и этническое), поэтому вполне возможно, что под названием “меря” мы имеем, с одной стороны, сохранивший язык и культуру финноугорский народ, а с другой — потомков славян, возможно, раньше других переселившихся на восток с центральноевропейской прародины, предположительно с территории Восточной Польши. О древности их переселения говорит чрезвычайно архаичная акцентная система, которая не может быть объяснена как результат вторичного развития какой-либо из известных систем, а также отдельные архаизмы в других разделах языка.

Доказательством весьма раннего расселения славян на “мерянской” территории и отсутствия достаточно долгого двуязычия является также фактическое отсутствие в говорах Волго-Клязьминского междуречья финноугорских лексических заимствований — ср. ситуацию на Севере, где в русских говорах широко распространены многочисленные финноугорские заимствования.

ИСТОЧНИКИ

АРНГ Вост. — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

АРНГ Зап., Сев., Сев.-зап., Юг — Атласы русских говоров центральных областей а) к западу, б) к северу, в) к северо-западу, г) к югу от Москвы (рукописи, хранятся в Отделе диалектологии и лингвгеографии Института русского языка РАН).

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Вып. I. М., 1986; Вып. II. М., 1989.

ДАРЯ, материалы — ответы на вопросы ПДА, хранящиеся в Отделе диалектологии и лингвгеографии Института русского языка РАН.

ПДА — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.;Л., 1947.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—. Вып. 1—.

массив ильменско-словенских по происхождению говоров расположен на территории, приблизительно ограниченной линиями Кострома — Ветлуга — Тотьма — Грязовец — Пошехонье — Кострома, также такие говоры распространены восточнее Новгорода.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—26. Л., 1965—1991.
 ССРНГ — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области). М., 1969.
 Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.
 Kucała — Kucata M. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
 Pleteršnik — Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana. D. I-II. 1894—1895.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
2. Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
3. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
4. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
5. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
6. Расторгуев П.А. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.
7. Расторгуев П.А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.
8. Гринкова Н.П. Воронежские диалекты. Л., 1947.
9. Никончук Н.В. Правобережнополюсские говоры с лингвогеографической и исторической точек зрения // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.
10. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 34—38.
11. Седов В.В. Восточнославянская общность по археологическим данным // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Тезисы докладов. М., 1993. С. 25—28.
12. Хабургаев Г.А. Этнонимия "Правести временных лет". М., 1979.
13. Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988. Доклады советской делегации. М., 1988.
14. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Праславянская акцентология и лингвогеография // XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1993.
15. Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984.
16. Зализняк А.А. Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
17. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
18. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.
19. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
20. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке // Псковские говоры. Вып. II. Псков, 1968.
21. Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986.
22. Nabovštiak A. Oravské nárečia. Bratislava, 1965.
23. Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Сов. славяноведение. 1990. № 4.
24. Панькевич Ів. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Прага, 1938. С. 316—317.
25. Касаткина Р.Ф. Рефлексы *ѣ в некоторых севернорусских говорах // ВЯ. 1991. №2.
26. Галинская Е.А. О хронологии некоторых изменений в системе вокализма праславянского языка // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г.А.Хабургаева. М., 1993.
27. Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972. С. 111—112.
28. Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. I. М., 1955. С. 202.
29. Зализняк А.А. Лингвистические исследования и указатель // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984—1989 годов. М., 1993.
30. Николаев С.Л. Восточнославянские акцентологические изоглоссы. I. Рефлексы оттяжек ударения в галицком диалекте // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990.

31. Николаев С.Л. Новые данные о краткостной оттяжке в галицком диалекте // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990.
32. Седов В.В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
33. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением зачлененных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб, 1913. С. 48.
34. Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972. С. 402—446.
35. Сержпутовский А.К. Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина Слуцкого уезда Минской губернии. СПб., 1911. С. 37.
36. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии: Словарь. Вып. 1. М., 1993.
37. Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 98.
38. Трубецкой Н.С. Возникновение общезападнославянских особенностей в области консонантизма // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 187.
39. Зализняк А.А. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии. М., 1981.
40. Данилов А.А. Особенности ударения форм прошедшего времени глагола в русских народных говорах // Вопросы теории и истории русского языка. Вологда, 1967.
41. Данилов А.А. Особенности образования и ударения причастий в русских народных говорах // Ученые записки ЛГПИ. Т. 293. Л., 1968.
42. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 227.
43. Шахматов О. Краткий нарис історії української мови // Шахматов О., Кримський А. Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI—XVIII вв. Київ, 1924. С. 23.
44. Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.

*

“Вопросы языкознания” намерены опубликовать на своих страницах ряд статей, посвященных проблемам древневосточнославянского диалектного ландшафта и происхождения русского языка. Редколлегия надеется, что по этим вопросам возникнет дискуссия, в которой примут участие не только языковеды, но и археологи и этнографы.

*